

«На стороне правды»: Н.С. Лесков о И.С. Тургеневе (к 195-летию И.С. Тургенева)

20 ноября 2013 г.

Новикова-Строганова Алла Анатольевна

В данной публикации постоянный автор портала доктор филологических наук, профессор Алла Анатольевна Новикова-Строганова поднимает вопрос о значении И.С. Тургенева как писателя для всего общества и для Н.С. Лескова в частности.

Николай Семёнович Лесков (1831–1895) отдавал дань глубокого уважения «сильному и свежему» таланту своего старшего литературного собрата и знаменитого земляка, писателя-орловца Ивана Сергеевича Тургенева (1818–1883). Имя Тургенева не сходит со страниц беллетристики и публицистики, эпистолярного наследия и воспоминаний Лескова на протяжении всего его творческого пути – от начала до того периода, который сын писателя Андрей Николаевич Лесков назвал «путём к маститости», «в зените чтимости и на закате дней»^[i]. Нередко в художественную ткань лесковского текста органично вплетаются тургеневские цитаты, созвучные настроению «позднего» Лескова и идейно-художественному пафосу его произведений: например, лирическая медитация эпилога романа **«Дворянское гнездо»**(1858): «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, бесполезная жизнь!»^[ii] (**«Колыванский муж»**(1888); письма).

А.Н. Лесков свидетельствовал: «Первая книга после Библии, которую дал мне отец читать, была “Записки охотника” <...> Тургенева отец считал выше Гончарова как поэта. Каждое новое произведение Ивана Сергеевича было событием в жизни нашего дома»^[iii].

Одну из статей публицистического цикла **«Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки»** (1878)^[iv] в журнале «Церковно-общественный вестник» Лесков посвятил Тургеневу – именно в тот переломный период, когда автор «Отцов и детей» объявил о своём намерении прекратить литературную деятельность. Лесков горячо выступил в защиту «генерала от литературы» Тургенева – «слишком крупного среди всех наших величин» – от всякого рода «литературных хамов»^[v].

Вовсе не случайно для отклика на взбудоражившее общественность событие о намерении Тургенева «положить перо» Лесков избирает страницы «Церковно-общественного вестника», в котором он много и плодотворно сотрудничал в 1870–1880-е годы. Это издание привлекало писателя, горячо убеждённого в том, что в Евангелии сокрыт «глубочайший *смысл жизни*» (XI, 233), стремлением к христианскому деланию, умением быть «умеренным и беспристрастным», сохранить «в своём скромном положении всю свободу отношений к вопросам жизни нашего общества» (2).

Редакция журнала в бесподписной **«Литературно-общественной заметке (По поводу прекращения литературной деятельности И.С. Тургенева)»** (1878) высказывалась в защиту «ветерана нашей художественной литературы Ивана Сергеевича Тургенева»^[vi] незадолго до появления статьи Лескова, который продолжил поднятую тему «об этом же высокопочтенном лице, о его положении, о его обидах и о его грустных намерениях “положить перо и более за него не братья”» (2).

С лесковской точки зрения, заявленное Тургеневым намерение столь общечеловечески значимо, что произнесённый им **«обет молчания»** никак «нельзя пройти молчанием»: «его <Тургенева – А. Н.-С.> решимость “положить перо” – это не то что решимость какого-нибудь министра выйти в отставку или певца не участвовать в опере» (2).

Лесков отводит своему старшему земляку первостепенное место не только в отечественной словесности, но и в общественной жизни России: «Иван Сергеевич – лицо слишком крупное среди всех наших величин. <...> На художественных образах Ивана Сергеевича совершался

подъём нашего вкуса и чувства; он силою своего вдохновения раздул в наших сердцах божественную искру сострадания и участия к “крепостному человеку” – искру, обратившуюся в пламя» (2). «Божественная искра», зажжённая Тургеневым, для Лескова-христианина не просто словесно-поэтический образ.

В тургеневских типах, по верному лесковскому суждению, выражена квинтэссенция социально-психологического состояния современной эпохи: «О Тургеневе говорили, что, прежде чем что-либо задумать и писать, он приглядывался и прислушивался к тому, что говорят и чем сильнее занимаются в обществе. Оттого будто бы, когда появлялось его произведение, где описывался известный тип и характер, в обществе чувствовали, что это что-то *знакомое*, что об этом именно думали, говорили и художник в своем произведении только осветил и разъяснил то, что мелькало в умах, но представлялось смутно и неясно» (XI, 146).

Вывод Лескова о громадной роли Тургенева в духовно-нравственной жизни страны: «Он представитель и выразитель умственного и нравственного роста России», – заострён против недостойных выходов тех, кем «множественно, грубо и недостойно оскорбляем наш благородный писатель» (2). «Либералы» действовали «нахально и безразборчиво»; консерваторы «язвили его злоехидно» (2). Тех и других писатель уподобляет, используя сравнение Виктора Гюго, хищным волкам, «которые со злости хватались зубами за свой собственный хвост» (2). «Осмеять можно всё, – замечает Лесков, – как всё можно до известной степени опошлить. С легкой руки Цельзия было много мастеров, которые делали такие опыты даже над самым учением христианским, но оно от этого не утратило своего значения» (3).

Независимый в своей христианской позиции – вне партий и так называемых «направлений» – Лесков не желал с «притворным благоговением нести мишурные шнуры чьего бы то ни было направленного штандарта» (XI, 234). «Не подчиняясь ни партийным, ни каким другим давлениям» (XI, 222), он плыл «*против течений*», и в данном случае также выступил против «направленной лжи» (X, 243) и «узости». Лесков высоко ценит в Тургеневе то, что писатель, верный правде художественного факта – «едва ли не самой важной правде», – не потакал «вкусам и наклонностям того или другого направления» – «направленной фантазмагии»: «изображённые им лица по преимуществу не отвечают требованиям направленной прямолинейности, которая желала бы видеть в Базарове или рыцаря без пятна и упрека, или негодяя, тогда как он только то, что есть <...> Но художник был ни на той, ни на другой стороне. Он был просто на стороне *правды*» (3 – 4).

Из-за чего же Тургенев решился «положить перо»? Лесков размышляет: «Из-за того, что с ним грубо обошлись? Это едва ли достойно его благородного характера и крупного дарования <...> у нас грубо обходятся со всеми, кроме тех, с кем не смеют так обходиться. Но что же с этим делать? Неужто сейчас и бежать, надув губу, как барышня среднего круга, которая всем обижается? Это не лучшая черта в характере общественного человека» (4).

Со всей прямоотой, свойственной его кипучей натуре, Лесков упрекает Тургенева за «едва ли зрело обдуманное и во всяком случае недостойное его решение не брать пера в руки». В то же время этот вынужденный «*почтительный укор*» высоко ценимому писателю продиктован «любовью и почтением» к нему. Однако по праву тех, «кто любят и ценят» Тургенева (Лесков, без сомнения, наделён всей полнотой этого права), он указывает на «недостаток *мужества* при некотором излишнем *самолюбии*, скрывающем от его <Тургенева – А. Н.-С.> нынешней наблюдательности всегдашнюю, неизменную *любовь* к нему истинно образованных людей» (4).

Не без гордости говорит Лесков и о своём родном городе, подарившем мировой культуре знаменитого писателя-земляка: «...в Орле увидел свет Тургенев, пробуждавший в своих соотечественниках чувства человеколюбия и прославивший свою родину доброю славой во всём образованном мире». В то же время с болью он признаёт горькую библейскую истину о судьбе пророка в своём отечестве: в России писатель с мировым именем должен разделить «долю пророка, которому нет чести в отечестве своём» (5).

Автор «**Чудес и знамений**» для сопоставления приводит факты о том, как поляки готовились к общенациональному празднованию юбилея их романиста Крашевского, который, по мнению Лескова, «стоит чего-нибудь только за неимением лучшего на их полнейшем литературном безлюдье» и не достиг, «чтобы понести портфель за нашим европейски известным Тургеневым» (4)^[vii].

Писатель считает, что из-за «подобных противных пустяков» **нельзя отворачиваться от русской жизни «лучшим людям, чтобы не предать в ней всё целиком людям худшим**<выделено мной. – А.Н.-С.>» (5). Лесков убеждён, что в принятии ответственных решений выдающимся русским художником слова должны руководить не «обидчивость», не излишнее «самолюбие» и не упадок мужества в окружении стана «злосудных» врагов-злопыхателей (к слову, собственную прижизненную литературную судьбу Лесков не раз обозначал поэтическими строками: «Здесь человека берегут, Как на турецкой перестрелке»), а только любовь – к Родине и её людям, кому необходим честный и чистый голос великого русского художника слова.

Лесков напоминает о заветах евангельской любви и прямо Тургеневу адресует слова, выделенные в статье «**Чудес и знамений**» курсивом: «любовь <...> *никогда не перестаёт*», – стремясь побудить писателя отказаться от решения перестать творить: «Любовь долго терпит, милосердствует, не гордится, не раздражается – всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит и *никогда не перестаёт*, хотя и языки умолкнут и знание упразднится» (1 Коринф. 13: 4 – 8)» (5).

Проводя сопоставление писательских воззрений своих крупнейших современников – Достоевского, Тургенева, Л. Толстого, – которых русская общественность одинаково нарекла «великими учителями» (XI, 155), Лесков в статье «**О куфельном мужике и проч.**» (1886) определил тургеневскую литературную позицию как гуманистическую: «Достоевский был православист, Тургенев – гуманист, Л. Толстой – моралист и христианин-практик. Которому же из этих направлений наших трёх учителей мы более научаемся и которому последуем?» (XI, 156).

Собственные мировоззренческие установки и идейно-художественные искания Лескова – самобытнейшего писателя русского – в этот контекст не укладываются. Так, они не исчерпываются понятием «гуманизм», поскольку оно, по верному замечанию Д.С. Лихачёва, не передаёт «всей гаммы сочувствия и любви»^[viii], которая свойственна творчеству Лескова. Его художественный мир одухотворяется идеей христианского подвижничества, праведничества.

Замечательные образы праведников оживали и в тургеневском творчестве (например, Лукерья – героиня рассказа «**Живые мощи**» из цикла «**Записки охотника**» (1847–1852) – напоминает сострадательно-одухотворённые женские лики русских икон). Не случайно, по признанию Лескова в «**Автобиографической заметке**» (1882–1885 ?), прочитав «Записки охотника», он «весь задрожал от правды представлений и сразу понял: что называется искусством» (XI, 12).

Полузабытая лесковская статья «**Пустозвон Питча о Тургеневе**» (1884)^[ix] важна тем, что была направлена на защиту Тургенева от неосновательных нападок газеты А.С. Суворина «Новое время». Писатель обратился с письмом к своему «коварному, но милому приятелю»^[x] (как он называл Суворина) по поводу своей полемики с редакцией «Нового времени» о Тургеневе. Лесков указал, что не может оставлять без внимания и не замечать невежественных попыток превратного толкования дорогого для него тургеневского творчества: «...есть вопросы, мне очень дорогие и близкие. Когда о них пишут неверно, я не утерплю и замечу <...> Тем, кого это досадует, – лучше бы не сердиться, а стараться быть сведущее»^[xi].

В статье «**Писательская кабала**» (1894) Лесков уже на закате дней с характерных для него литературно-общественных позиций продолжает отстаивать тургеневское художественное наследие.

Тема этой поздней статьи перекликается с дебютной публикацией Лескова, обозначенной постановкой духовной христианской темы. Первым печатным лесковским произведением явилась статья о распространении Евангелия на русском языке **«О продаже в Киеве Евангелия»** (1860). Вступивший на литературное поприще молодой автор, ратуя за распространение в русском обществе духа христианства, высказал озабоченность по поводу того, что Новый Завет, тогда только появившийся на русском языке, доступен не всем. С самого начала творческого пути писатель определился в своих созидательных установках. Первая его корреспонденция явилась *«духовным компасом»*, указавшим автору магистральное направление всего его творчества: «случайно или умышленно, – отмечал биограф П.В. Быков, – но Лесков словно наметил в ней <заметке – А.Н.-С.> программу <...> всей будущей своей деятельности, которая была посвящена на борьбу с неправдою, с невежеством, со всеми тёмными сторонами жизни, на горячую проповедь добра, любви к ближнему, всего светлого, честного, прекрасного»[\[xiii\]](#).

Поднятая в крохотной заметке проблема оказалась столь животрепещущей, что получила большой общественный резонанс[\[xiii\]](#). Написанное «на злобу дня» пережило «сиюминутность» газетного существования. Важность той давней публикации отмечалась даже и тридцать лет спустя. В 1890 году «Новое время» указало на первую лесковскую «корреспонденцию из Киева, в которой автор скорбел о том, что в местных книжных магазинах Евангелие, тогда только изданное на русском языке, продаётся по ценам возвышенным, вследствие чего много людей небогатых лишены возможности приобрести книгу слова Божия»[\[xiv\]](#).

Лесков отметил тогда как «новую» и «радостную» возможность «удовлетворения насущной потребности читать и понимать эту книгу», переведённую «на понятный нам язык»[\[xv\]](#). В то же время автор заметки с возмущением пишет о книготорговцах, усмотревших в давно ожидаемом «русском» Евангелии всего лишь ходовой товар и сделавших его предметом бессовестной наживы.

В дописательские годы сам Лесков занимался делами коммерческой фирмы и хорошо знал экономические законы. Однако в данном случае автор **«Корреспонденции (Письма г. Лескова)»** справедливо требует отличать в книжной торговле «дело Божеское» от спекулятивно-коммерческого: «как же книгу, назначенную собственно для общего употребления всех и каждого, сделать такую недобросовестною спекуляциею?»[\[xvi\]](#) Автор заметки особенно огорчён тем, что переведённое на русский язык Евангелие, ставшее доступным для понимания простых людей, не попадёт в руки паломников со всей Руси, которые «всегда покупают в Киеве книги духовного содержания»: неимущий киевский «пешеход-богомалец» «принуждён отказать себе в приобретении Евангелия, *недоступного для него по цене*»[\[xvii\]](#).

Итак, «душеполезное чтение» и «цена», «христианская душа» и «кошелёк» – эти полярности, в которых мир духовный противостоит миру вещественному, показывал Лесков на протяжении всего творческого пути – с момента своей первой статьи до «прощальной повести» **«Заячий ремиз»** (1894).

Как и в дебютной своей публикации, в которой начинающий автор выступил против беззастенчивых спекуляций с Евангелием, Лесков в статье **«Писательская кабала»**, написанной за год до смерти, снова возвышает свой голос в защиту духовности, поднимая важную социально-нравственную проблему, которая имеет также правовой, юридический аспект.

Речь идёт об авторском праве, а также о проблеме книгоиздательства, о распространении и доступности для самой широкой читательской аудитории доброкачественной духовной пищи из сокровищницы русской литературы – имя Тургенева и его произведения поставлены здесь на первое место.

Поводом для написания статьи послужило второе издание в серии «Доступная библиотека» И.И. Глазунова тургеневских рассказов **«Живые мощи»** и **«Муму»**.

«Г-н И. Глазунов начал издавать «Доступную библиотеку». <...> В чём же именно заключается, по его мнению, эта “доступность”? – задаётся вопросом Лесков. – Как обладатель прав на издание сочинений И.С. Тургенева, г. Глазунов в 1884 году надоумился выпускать дешёвыми брошюрками (по 4, 5, 6 коп.) его рассказы из «Записок охотника». Изданные хотя и неопрятно, плохо отпечатанные, непрочно сброшюрованные, с плохим портретом Тургенева на каждой обложке, брошюрки эти, однако, бойко пошли по школам и в среде неимущих читателей благодаря, конечно, высоким достоинствам своего содержания и невысокой цене. Но г. Глазунову захотелось сделать их “доступными”: он печатает их так же неопрятно, как и раньше, снимает с обложки портрет автора и заменяет его скверным, глупым до смешного рисунком микроскопического размера, на титул ставит аляповатую рамку, перед титулом – рисунок, не подходящий к тексту и намазанный каким-то малярных дел мастером, и для большей “доступности” назначает за всю эту безвкусицу цену гораздо выше прежней...»^[xviii]. Писателя возмущает аляповатость издания произведений Тургенева, когда форма не отвечает внутреннему эстетическому содержанию гармоничного тургеневского творчества, – а также спекулятивная цена, назначаемая за вульгарно изданную книгу великого писателя и делающая таким образом чтение его произведений недоступным для народа.

Поднимая юридические вопросы об авторском праве, создатель статьи **«Писательская кабала»** горячо протестует против закона о сохранении прав литературной собственности за издателем в течение 50 лет после кончины писателя. Такое монопольное владение крупных книгоиздателей – «торгашей», «людей наживы и спекуляции» – на литературные права умерших и живущих писателей не может не препятствовать, по справедливому мнению Лескова, распространению творческого наследия великих художников слова для самых широких слоев читателей: «...желая набрать по несколько лишних грошей с каждой брошюрки, г. Глазунов тормозит распространение сочинений одного из наших крупнейших писателей. И может тормозить его ещё 39 лет, пока, по существующему закону о литературной собственности, не истечёт 50 лет со времени кончины писателя»^[xix].

Статья Лескова, хорошо знавшего книжное дело в России, подводит невесёлые итоги: «В том-то вся беда и заключается, что почти всё издательское дело находится в руках людей наживы и спекуляции. <...> всё это <...> спекулянты, аферисты, ни о каком духовном росте не помышляющие, не имеющие ничего общего с литературой, ворвавшиеся в неё с улицы. И те и другие губят писателя. А умрёт он – начинают жать соки из его сочинений, кабалить и тормозить их и уверяют, будто создают “доступные библиотеки”»^[xx].

Таким образом, и на склоне лет Лесков горячо защищает дорогое для него имя Тургенева от бессовестных спекуляций, ратует за необходимость истинной, а не показной доступности для демократического русского читателя тургеневского творчества. Речь идёт об особом духовно-аналитическом подходе Лескова к оцениваемым событиям общественной и литературной жизни, что позволяет писателю совместить долнее и горнее, “мимотекущий лик земной” и вековечный, непреходящий.

^[i] Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 2. – С. 169, 359.

^[ii] Лесков Н.С. Собр. соч.: В 11 т. – М.: ГИХЛ, 1956 – 1958. – Т. 11. – С. 421. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

^[iii] Вестник литературы. – 1920. – № 7. – С. 6.

^[iv] Церковно-общественный вестник. – 1878. – № № 19, 24, 25, 28, 33, 34.

[v] Лесков Н.С. Чудеса и знамения. Наблюдения, опыты и заметки // Церковно-общественный вестник. – 1878. – № 34. – 19 марта. – С. 2. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием страниц.

[vi] См.: Б.п. Литературно-общественная заметка (По поводу прекращения литературной деятельности И.С. Тургенева) // Церковно-общественный вестник. – 1878. – № 27. – 3 марта. – С. 3 – 4.

[vii] См. также: Б.п. Успех Крашевского // Церковно-общественный вестник. – 1878. – № 40. – 2 апреля. – С. 5.

Подшивка “Церковно-общественного вестника” за 1878 год с многочисленными пометами сына Н.С. Лескова хранится в личной библиотеке Андрея Лескова в Орловском гос. литературном музее И.С. Тургенева. А.Н. Лесков называет указанную неподписную заметку “лесковской”. По тематике публикация непосредственно связана с фрагментом статьи Н.С. Лескова “Чудеса и знамения” о Тургеневе (см.: Церковно-общественный вестник. – 1878. – № 34. – 19 марта. – С. 4).

[viii] Лихачёв Д.С. Слово о Лескове // Литературное наследство. – Т. 101: В 2 кн. – Неизданный Лесков. – М.: Наследие, 1997. – Кн. 1. – С. 16.

[ix] См.: Новости и Биржевая газета. 1884. 23 августа. № 232.

[x] См.: Лесков А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам: В 2 т. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 2. – С. 444.

[xi] Из литературного наследия Н.С. Лескова. Публикация J.-C. Marcadé // *Revue des études slaves*. Tome cinquante-huitième. Fascicule 3. Nikolaj Semenovič Leskov. 1831 – 1895. – Paris, 1986. – P. 438.

[xii] Быков П.В. Н.С. Лесков. Воспоминания // Всемирная иллюстрация. – 1890. – № 20 (112). – С. 333.

[xiii] Заметка была опубликована без подписи в газете «Указатель экономический» (1860. – № 181. – Вып. 25. – С. 437); в очередном номере «Указателя экономического» (1860. – № 186. – Вып. 30. – С. 508) появилась новая анонимная заметка на ту же тему; с подписью: Николай Лесков – напечатана «Корреспонденция (Письмо г. Лескова)» // Санкт-Петербургские ведомости. – 1860. – № 135. – 21 июня. – С. 699 – 700. Эта же работа была перепечатана под заглавием «Нечто о продаже Евангелия, киевском книгопродавце Литове и других» // Книжный вестник. – 1860. – №№ 11 – 12. – С. 105 – 106.

[xiv] Б.п. // Новое время. – 1890. – № 5139. – 21 июня. – С. 3.

[xv] Лесков Н.С. Корреспонденция (Письмо г. Лескова) // Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. – М.: ТЕРРА, 1996. – Т. 1. – С. 149.

[xvi] Там же. – С. 150.

[xvii] Лесков Н.С. <О продаже в Киеве Евангелия> // Лесков Н.С. Полн. собр. соч.: В 30 т. – М.: ТЕРРА, 1996. – Т. 1. – С. 147.

[xviii] Лесков Н.С. Писательская кабала // Литературное наследство. – Т. 101: В 2 кн. – Неизданный Лесков. – М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. – Кн. 2. – С. 259.

[xix] Там же. – С. 260.

[xx] Там же. – С. 261.